

M. V. ЗАВЬЯЛОВА

ПРОБЛЕМА ВОЗМОЖНЫХ ВЗАИМОВЛИЯНИЙ ЛИТОВСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЗАГОВОРОВ НА БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

История взаимодействия балтийских и славянских народов обусловила их теснейший контакт во многих областях культуры и быта. Говоря о народной культуре балтов и славян, необходимо опираться, с одной стороны, на общую основу, реконструируемую на материале фольклорных текстов, и в то же время учитывать феномен своеобразного взаимопроникновения двух традиций, возникший в результате многовекового соседства. В этой связи погружение «вглубь» текста, попытка построения общей основы — гипотетического балто-славянского фольклорного текста и на его основании балто-славянской картины мира — несомненно очень важны и проливают свет на многие закономерности и взаимосвязи. Однако не менее интересным остается анализ различий двух культур, того пути, который выбрала каждая из них в развитии общей основы. Надо отметить, что таких различий немало: при сравнении двух корпусов текстов, например литовских и русских лечебных заговоров, бросаются в глаза разное структурное построение и приемы, которыми пользуется знахарь для достижения одной и той же цели (список болезней, против которых направлены заговорные тексты, как правило, идентичен). Важной представляется попытка анализа взаимовлияний разных заговорных традиций в зоне их контактирования — балто-славянского пограничья. Возможно, перекрецивание культур на белорусско-польско-литовском пограничье даже послужило стимулом к развитию тех или иных жанров фольклора. Заговорный жанр получил особое распространение именно на этой территории. Вероятно, что этот факт неслучайен: в условиях тесного взаимодействия культур развивается жанр, во многом построенный на оппозиции «свой/чужой», провоцирующий человека активно вмешиваться в действительность, противостоять неведомым силам. Сравнение текстов заговоров, выявление общих сюжетов и мотивов, а также возможных путей их заимствования были бы полезны для изучения взаимовлияния балтийских и славянских культур.

Несмотря на замкнутость, стремление к скрытности и ореол таинственности, свойственные заговорному жанру и обусловленные его направленностью, факты показывают, что эти тексты были вполне доступны разным национальным группам и не знали языковых границ. Об этом свидетельствует существование на территории Литвы идентичных заговорных текстов в двух или трех вариантах. Например:

Karaliau liepsnotas, gyvačių viešpats, žvilgtelk akele po savo karūnėle. Žalčių karaliau, atimk žandelių nuo to (tos) vargdienėlio (LT, № 9258); Królu plomenisty, Gadzin panie, Spójrz oczkiem Z pod twej korony. Wężów królu, Obierz żądło Od tego biedaka (biedaczki) (Majewski 1892, № 419);

Bog Ojciec jest doktor, Syn Boży — lekarstwo, Duch Święty — pokój (LMD, I, 940 (27)); Dievas Tevas yra gydytojas. Dievo sunus vaistas Šventoji Dvasia — ramybė (Stukenaitė-Decikienė 1941, № 63);

Vardan Dievo Tēvo ir t.t. Amen. Suk, suk, na tebe kriuk, tebe krasata, a mene čystata. Amen. Amen. Amen. Vardan Dievo Tēvo ir t.t. Amen (Balys 1951, № 427): Šaka, šaka, šaka, te tau kablys, tau dailumas, o man švarumas ‘Сук, сук, сук, вот тебе крюк, тебе красота, а мне чистота’ (Stukenaitė-Decikienė 1941, № 86).

Однако полностью идентичных текстов существует не так много, в основном встречаются тексты с небольшими расхождениями; как правило, полностью совпадает только начало, например:

Słońca słońcem, miesiąc miesiącem, robak robakiem, niechaj robak powzięł pa rosie i nikomu nieszkodzilaba (LMD, I, 942 (10)); Saulė — saulės, ménuo — méno, kirmėlė — kirmélés, vaikščiojo per rasu, kad vaikščioja tevaikščioja, juodam plaukui tegul nevodija, neiškadyja. ‘Солнце — солнца, месяц — месяца, червь — червем, ходил по росе, что ходил, пусть ходит, черному волосу пусть не вредит’ (Stukenaitė-Decikienė 1941, № 8);

Sołnca, měsiąc, jasna zorza, matka niek spamoże (LMD, I, 940 (1)); Sauliula, ménaséli, šviesyja aušrela, gražyja švenčiausia Panela, atim man šitų sopuli. Amen. Amen. Amen ‘Солнышко, месяцочек, светлая зорька, прекрасная Пресвятая Дева, возьми эту боль. Аминь. Аминь. Аминь’ (Mansikka 1929, № 57);

Gad gadzica, čornaja zmieica, wypołzała iz pod lipovago kusta. Galcva krasnaja, a kvost jasnaj, niet tabie miesta ni wo mhach, ni w balotach, ni w gnilycn kalodach. Stan' miakaja od lipovo cvieta, od lipovovo cvietka (LMD, I, 943 (12)); Gad, gadzica, juodaja gyvatalė, išpauzei iš liepos krūmo, galva raudona, uodega geltona. Plaukei per marion, uodagos nežumerkei, kišk, skundziň savo gyluonį undenin, iškel cypiu viršun ‘Гад, гадзница, черная змейка, выползла из липового куста, голова красная, хвост желтый. Плыла по морю, хвост не замочила, суй, топи свое жало в воде, подними опухоль вверх’ (Mansikka 1929, № 71);

Спрашивает молодой месяц старого: «Не болят ли зубы мертвому?» «Не болят, не ноют, не ломят, не колют». «Замерзвели, как у мертвого, и тогда.

и ныне, и во веки веков» (Novikovas, Trimakas 1997, № 28); (*Kai tik pamatysi jaunq Mėnulj, reikia triskart kalbēti:*) *Klausē jaunas senq, ar skauda dantis mirusiam.* ‘(Как только увидишь молодой месяц, надо три раза сказать:) Спрашивал молодой старого, болят ли зубы у мертвых’ (Balys 1951, № 82).

Трудно в таких случаях сказать, в каком направлении шло заимствование: перенималось начало заговора и использовалось как законченное или к заимствованному короткому заговору придумывалась своя концовка. Возможно и то и другое. Установлению пути заимствования помогает анализ похожих текстов, бытующих на основной территории распространения данной культуры. Выяснить, какая традиция являлась первоисточником, можно по распространённости того или иного мотива в разных корпусах текстов.

Например, заговоры от змеи являются одним из самых распространенных заговорных жанров в Литве, поэтому соседние традиции могли перенять многие способы борьбы со змеей у литовцев. В качестве иллюстрации можно привести заговоры, записанные на территории Литвы на польском языке:

Srybra i złota, neprzeszkadzaj mnie, ja tobie idz' da domu spać (LTR, 3585 (204))

Ср. литовские: *Aukseli, sidabréli, eik nam(uli)o gulti. Saulé eina, ménas eina, niekam blé(ie)dos nedaro, — eik namulio gulti(cie), eik namulio gulti(cie), eik namulio gulti(cie). Amen, amen, amen* ‘Золотушка, серебрушка, иди домой спать. Солнце идет, месяц идет, никому вреда не причиняют, — иди домой спать, иди домой спать, иди домой спать. Аминь, аминь, аминь’ (Mansikka 1929, № 66); *Aukseli, sidabréli, eikie urvelin gulcie, niekam škados nedaryk. Op! Op!* ‘Золотушка, серебрушка, иди в пещеру спать, никому вреда не делай. Он! Он! Он!’ (Stukienaitė-Decikienė 1941, № 10);

Gadzyna, kancyla a či šara, a čy ruda, a proše isc na bože sonda žebi vienci nodžlini nebilabi! (LTR, 3976 (206))

Ср. литовские: *Juoda gyvaté ruda, Eik un Dzievo sūđo, Atlaisk savo kundzimtę.* ‘Черная змея бурая, иди на Божий суд, отпусти свой укус’ (Mansikka 1929, № 65); *Gyvate pilka, gyvate marga, gyvate ruda, atsiimk savo sopulj, bo atsakysi ant sūđo Dievo* ‘Змея серая, змея пестрая, змея бурая, отними свою боль, иначе ответишь на Божьем суде’ (Balys 1951, № 387)

Наоборот, мотив диалога с месяцем в заговорах от зубной боли, скорее всего, заимствован в литовскую традицию из славянской. Этот сюжет довольно популярен в белорусской и русской традициях, например:

белорусские: *Маладзік малады, у цябе рог залаты, ты на моры купаўся, а мне ў сне паказаўся. Маладзік Афанасавіч, быў ты на тым свеце? — Быў. — Бачыў ты мёртвых? — Бачыў. — А балаяць у іх зубы? — Не. — Штоб не балелі і мне. Рыба ў моры, заяц ў полі, а мядзведзь у лясу. Як етыя трывы едзініцы сойдуцца і будуць піць і гуляць, так няхай тады зубы балаяць. А етыя едзініцы*

не сойдуцца і не будуць ні піць, ні гуляць, хай ніколі і зубы не баляць (Замовы, № 607);

На небе месяц высока, у моры камень глыбока, у лесе дуб далёка. Як гэтыя трои браты зайдуцца да месца, да будуць піць і есци, то тады ў Віці будуць зубы балеци. Маладзік ты малады, і быў ты на тым свеце? — Быў. — А ці баляць у мёртвых зубы? — Не, не баляць. — Так няхай і ў Віці не баляць (Замовы, № 608);

русские: «*Князь молодой, рог золотой, был ли ты на том свете?*» — «*Был*» — «*Видал ли ты мертвых?*» — «*Видал*» — «*Болят ли у них зубы?*» — «*Нет, не болят*» — *Дай Бог, чтобы и у меня раба Божия (имярек), никогда не болели* (Майков 1994, № 73);

Месяц в небе, медведь в лесу, мертвец в гробу; когда эти три брата сойдутся вместе, тогда пусть болят зубы у раба (имярек) (Майков 1994, № 75).

Тот же сюжет встречается и в польской традиции на территории Польши: *Mołodyku, młodyku (miesięczku), gdzieś ty bywał? — Na tamtym świecie. — Coś tam widział? — Umarłych. — Co oni robią? — Leżą. — Niech moje ząbki nie bolą* (Rokosowska 1900, p. 495);

Jest na niebie księżyca, jest w jeziorze kamień, jest na boru dumb; kiedy te trzy bracia gdziekolwiek sie znejdo, tedy niech mie boli <zumb> (Kolberg 1966, № 64).

Литовская вариация подобного диалога без участия месяца зафиксирована в районе Воронова, в Белоруссии, что наверняка свидетельствует о заимствовании:

— *Dantys, dantys, ar jūs buvot ant to svieto? — Ne — Ar jūs žinot, ar ten sopa dantys? (sako:) — Ne — Tai tegu ir tau nesopa!* ‘— Зубы, зубы, были ли вы на том свете? — Нет — Знаете ли вы, болят ли там зубы? (говорят) — Нет — Так пусть и у тебя не болят!’ (LTR, 4311 (67)).

Возможно, мотив месяца в связи с зубной болью является универсальным (по крайней мере, для славянского мира), однако в литовской традиции, несмотря на большую популярность месяца как мифологического и фольклорного персонажа вообще, сюжет разговора с ним выглядит несколько иначе. Существует целый корпус текстов, содержащих обращение за помощью к молодому месяцу как в случае отдельных (разных) болезней, так и с профилактической целью:

Mēnijo, Mēnijo, Mēnulėli, dangaus šviesus dievaitėli, duok jam rati, man sveikatą, duok jam pelnyštį, man Perkūno karalystę. [Pasakotojas daug kartų esąs matęs, kad sukalbėjus šią maldele nustojaqs kraujas iš žcizdos bėgti; daugelis ūkininkų šią maldele moka ir tiki, kad sulaiko tekantį kraują ir padeda nuo visokių ligų] ‘Месяц, Месяц, Месяцочек, светлый небесный боженька, дай ему круг, мне здоровье, дай ему полноту, мне царство Перкунаса [Рассказчик много раз видел, как после произнесения этого заговора перестает кровоточить рана:]

многие крестьяне знают эту молитву и верят, что она останавливает кровь и помогает от всех болезней]’ (Balsys 1951, № 1);

Jaunas Mėnuo, kaip ponaitis, dangaus žemes karalaitis, panas Marijas sūnaitis. [Tada visq tą mėnesį bus laimingas] ‘Молодой Месяц, как господин, царевич неба и земли, сын девы Марии’ [Тогда весь этот месяц будет счастливым] (Balsys 1951, № 16).

Как видно из приведенных текстов, Месяц в литовской традиции выступает как всемогущее божество, «царевич неба и земли», способный защитить от болезней, принести счастье и благополучие, а не просто как один из трех влиятельных персонажей (трех братьев наряду с камнем и дубом) в славянской традиции. Трудно сказать, какой вариант сюжета архаичнее: обращение к трем важнейшим объектам мироздания, находящимся в центральных точках локусов, олицетворяющих главнейшие стихии (водная — море, озеро; земная — поле; воздушная — небо), или прямая апелляция к одному из них как божеству. Можно лишь отметить, что такое «распределение отношений» характерно для той и другой традиции и проявляется в других случаях тоже. Славянские (в частности, белорусские и русские) заговоры чаще содержат описания пространств и центрального локуса в них, как бы постепенно сужая фокус внимания, приближаясь к центру, и нередко ограничиваются констатацией факта наличия где-то определенного силового поля, что само по себе должно быть целительным. Между тем для литовской заговорной традиции характерно представление каждого объекта мирового пространства в качестве самостоятельного центра и обращение непосредственно к нему. В любом случае взаимосвязь «месяц, владыка ночи → потусторонний мир, мир мертвых → преображение всех болей, бесчувственность» можно считать универсальной.

Подобные параллели можно найти и для многих других сюжетов. В заговорах обнаруживаются многие универсальные или идущие от одного древнего источника методы лечения болезней. Это, в частности, мотив розы в заговорах от рожи, присутствующий в очень многих традициях (ср. немецкие заговоры, приведенные Н. Познанским [Познанский 1995, 185], в том числе в польской, литовской и белорусской (реже — в русской), а также в славяноязычных заговорах на территории Литвы:

белорусские: *Iulia Насвенчая матка чэраз чыстае поле, нясла тры рожы ў прыполе. Первая пала, другая пропала, трэцяя сама звяла. Амінь* (Замовы, № 719); *Iшоў Хрыстос па полю, нёс тры розы: адна акамянела, друтая адзервянела, трэцяя згінела, згінь і ты, боль, нячысная рожа* (Замовы, № 720);

литовские: *Éjo Jezus ir sutiko tris rožes. Viena prapuočė, kita pražiūvo, tegul prazus ir šita trečia kartu.* ‘Шел Иисус и встретил три розы. Одна исчезла, другая пропадет, пусть пропадет и эта заодно’ (LTR, 4105 (403)); *Éjo Motina Švenčiausia per pievą, rado tris rožes: vieną raškė, kita puočė, trečią suvis*

prapuole. Ir su Motinos Švenčiausios pamačiu, ir tegul šita sopė prapuola. ‘Шла Пресвятая мать через луг, нашла три розы: одну сорвала, другая упала, третья вообще пропала’ (Balys 1951, № 415);

русский: *Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Шел батюшка, истинный Христос, по лугам, по полям, по горам, по болотам и по топям. Нес он с собой три цвет-розы. Первая цвет-роза сповяла, вторая цвет-роза посохла, третья цвет-роза облетела. Как те три цвет-розы изничтожились, так бы и моя болезнь пропала и высохла, и не бывать бы ей на мне, рабе Божием имарек, ни во веки веков. Аминь* (Александров 1997, № 46);

польские на территории Литвы: *Szed pan Jezus przez góry, przez piaski, nios trzy róże w rękę. Piersza róża — odchodzi. Druga róża — odstęp. Trzecia róża — zgiń przepadnij!* (Balys 1951, № 406); *Szedł Pan Jezus Chrystus przez góry, przez lany przez piaski i trzymał trzy róże w rękę: jedną pachnącą, druga boląca, trzecia rany pokojąca. Zdrowaś Marija* (LMD, I, 942 (14)).

польский на территории Польши: *Szedł Pan Jezus przez blonie i niosł w swym ręku trzy róże: jedną zeszłą, drugą zwiedłą, trzecią wniwez się obróciła. Zgiń i ty, różo, przez moc boską, w Imię Ojca i Syna i Ducha Świętego. Amen* (Wisła 1891, p. 905).

Исходя из того, что в русской традиции этот сюжет менее всего популярен и встречаемость его возрастает по мере приближения к западу, в заговорах старообрядцев на территории Литвы, скорее всего, он заимствован,ср.:

Ишёл Иисус Христос через Кедру-реку. Нес три цвета розы: один — белый, а другой — синий, а третий — красный. И один впал, а другой свял, а третий в Иисуса Христа в руках пропал. Ты пропади, рожа, от раба Божей (имя) с белыва лица и с горячей крови, с белой кости — по сей час, по сей мой приговор! Всегда — и ныне, присно и вовеки веков. Аминь (Novikovas 1997, Trimakas, № 43)

Tau yra ta pikta rožė, todėl norim šiuos žodžius kalbėti tuo tos rožės į mūsių Poną Jėzū. Kad éjo per vandenis, upes, Jis turėjo rankoj tris rožes: vieną baltą, antrą mėlyną, trečią raudoną; viena nuvyto, antra nuskendo, trečia pražuvo tuo to žmogaus kūno. Vardan Viešpaties mūsų Jézaus Kristaus Amen ‘У тебя та злая рожа, потому хотим эти слова говорить от этой рожи к нашему Господу Иисусу. Что шел через воды, реки, Он нес в руке три розы: одну белую, другую синюю, третью красную: одна завяла, другая утонула, третья погибла от тела того человека. Во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь’ (Balys 1951, № 418)

Хотя в русском заговоре очевидны типичные для основной традиции формулы: характерная концовка, постоянные эпитеты и перечисления — все же заметны и следы литовского влияния, как на грамматическом уровне, так и в структуре текста. Об особенностях заговоров старообрядцев Литвы будет подробнее сказано ниже.

Еще одним общим для многих традиций мотивом является сравнение крова с рекой Иордан и упоминание крещения Иисуса Христа, например:

белорусские в Белоруссии: *Ішлі трывале калекі цераз чатыры рэкі. Лозу (чарот) уламалі і кроў замаўлялі: «Ішоў Ісус Хрыстос і Яне, няхай на тваёй ране кроў стане»* (Замовы, № 477); *Ішлі трывале калекі цераз быстрый рэкі, лозы ламалі, росы збівалі, расаду саджали. Расада, прымайся, кроў, замаўляйся. Стань, кроў, на ране, як вада на Ярдані* (Замовы, № 478);

русские в России: *Стой, кровь, стой, кровь, в ране, как Иисус Христос на Иордане* (Аникин 1998, № 1674); ...*Как истинный Христос шел через огненную реку, Затирал, замыкал, заговаривал, Так бы у раба Божья (имярек) Кровь затирал, замыкал, заговаривал. Век — повек. Аминь* (ТРМ, № 424)

литовские в Литве: *Stok kraujas, kaip iprē Jordano, kaip šventas Jonas krikštijo Kristusq Poną* ‘Стой, кровь, как река Иордан, как святой Иоанн крестил Господа Христа’ (Mansikka 1929, № 29); *Šventas Jonai, Dievo delmonai, suturėjai Cedrono iprē, suturėk ir šitą kraują* ‘Святой Иоанн, удержал реку Цедрон, удержи и эту кровь’ (Balys 1951, № 509);

польские в Литве: *Zatrzymaj się krew w rancie, jak rzeka w Jordanie podczas chrztu Chrystusowego* (LMD, I, 940 (12)); *Sventi Janie, Silaś pana Jezusa w Jordanie Ti začimaj krev v tej ranie* (LKAГ, 65 (41));

польский в Польше: *Stan krew w ranie jak stanęła w rzece Jordanie, gdy św. Jan chrzcił Pana Jezusa. Na imię Jezus niech wszelkie kolano upada: niebieskie, ziemskie i piekielne. Panie wysłuchaj modlitwy mojej, a wołanie moje niech przyjdzie do Ciebie. Amen* (Rokosowska 1900, p. 460).

Мотив проишествия с божественным персонажем в процессе пути и его быстрого исцеления или неподатливости болезни также довольно распространен. Наиболее популярен он в Белоруссии и Польше, есть отголоски его и в Литве:

Éjo Kristus per ciltę ir nulūžo lieptas ir inkrito Kristaus koja. Nuéjo Kristus sveikas, neskarda koja, taip tegu neskarda Jonui ‘Шел Христос через мост, и сломалась перекладина, и застrella нога Христа. Ушел Христос здоровым, не болит нога, так пусть не болит у Ионаса’ (Stukenaitė-Decikienė 1941, № 74).

Ср. русский: *Шел истинный Христос путем-дорогою, Проколол тросточкой левую ногу, Не боялся ни щепоты, ни болезни, Ни кровавой раны. И также рабу Божьему (имярек): Не бойся ни щепоты, ни болезни, Ни кровавой раны. Аминь!* (ТРМ, № 442)

белорусский: *Ішоў Гасподзь цераз гару, цераз мяжсу. Бог спатыкнуўся, ножка спавіхнулася, костачка з костачкі, суставачка з суставачкі: стань на стану, як стаяла, і рабі так, як рабіла, а хадзі так, як хадзіла. Я з словам, а Бог з помаччу* (Замовы, № 567, ад звіху, выбою, удара).

Формула, использованная в последнем заговоре, отсылает к известному общеиндoевропейскому сюжету «кость к кости» (см. реконструкцию — Топоров 1969). Более полно представлен польский вариант:

*Jechał Pan Jezus na osiołeczkę
 Po lipowym mosteczku.
 Gdzie jedziesz, Gospońie?
 Do ciebie, miły panie.
 Mosteczek się spęzał,
 Osiołeczek nóżką sobie zwichnął.
 Niech się zejdzie: kostka z kostką,
 żylka z żyłką
 stawka z stawką!*
*Ja nie robię swoją mocą
 Tylko Pana Jezusa
 Matki Boskiej dopomocą (Kotula 1976, № 27)*

Ср. белорусский вариант: У чыстым полечку ехаў Божасчака на сівенькім конічку. Конь спатыкнуўся — звіх звіхнуўся. Конічак устаў — звіх на стан устаў: костачка ў костачку, сустаўка ў сустаўку, жылачка к жылачцы, цела к целу, мяса к мясу. Як сухому дубу ў лесе не раскіцацца, так узвіху не атрыгашца. Амін (Замовы, № 556, ад звіху).

Распространение и заимствование мотивов с участием святых персонажей вполне объяснимо принятием христианства. Однако сюжеты «языческие» тоже зачастую бывают общими. Одним из таких универсальных мотивов является загрызание грызи (боли в суставах). Например:

литовские в Литве: *Grauž gryžių, da grauž geriau... Nei vienas, nei du... nei devyni. Amen. Amen. Amen.* ‘Грызи грызь, грызи лучше... Ни один, ни два... ни девять. Аминь’ (Mansikka 1929, № 148);

— *Ku veiki? — Gryži graužiu. — Graužk, kad išgraužtai. — Tai ku veiki? — Gryžių graužiu. — Tai graužk, kad išgraužtai.* ‘— Что делаешь? — Грызь грызу. — Грызи, чтобы выгрыз. — Так что делаешь? — Грызь грызу. — Так грызи, чтобы выгрыз’ (LKAG, № 1270);

белорусские в Белоруссии: *Грыжсу, грыжсу, я цябе грызу. Ты мяне раз, то я цябе два, Ты мяне два, то я цябе трывы, Ты мяне трывы, то я цябе чатыры. Ты мяне чатыры, то я цябе пяць, Ты мяне пяць, я цябе шэсць, Ты мяне шэсць, я цябе сем — Да і адгрызу цябе заўсем* (Замовы, № 771); «*Што ты грызеш?*» — «*Я грызь грызу*» — «*Грызі болей, каб не балела*» — «*Грызухна, матухна, я грызь грызу, а ты сук грызі*» (Замовы, № 777);

русский в Литве: *Кого грызешь? Грызь грызу. Грызи, чтоб во век не было. Ты — грызть, а я — коза и волк. Тоже у меня зуб яркий. Тебя съем и закуши. чтоб грыжи вовек не было* (Novikovas, Trūmkas 1997, № 38).

Вероятно, это устойчивое сравнение вызвано особенностями болезни. Ощущения от боли в суставах, видимо, вызывают ассоциации с загрызанием, откуда и название болезни. Интересно, что в русских заговорах на территории

России тот же прием используется для лечения другой болезни — грыжи, вероятно по звуковой аналогии, ср.: *Грыжса, грыжса, я тебя, грыжса, Грызу, за-грызаю, Грыжу всю искусаю, Чтобы век тебя не было. Веки по веки. От веки на веки. Аминь* (ТРМ, № 373)

На той же ассоциативной связи внешнего проявления болезни (или звукового облика ее названия) с другими объектами, вероятно, построены и следующие общие мотивы, например,

— сравнение ячменя с кукишем:

русские в Литве: Ячмень, ячмень, на тебе кукиши! За кукиши что хочешь купишь. Купи себе топорок, секи себе поперек (Novikovas, Trimakas 1997, № 29);

литовский в Литве: *Mieži(y), mieži(y), te šryuga! Fu, fu, fu!* ‘Ячмень, ячмень, на фигу! Фу, фу, фу!’ (Stukenaitė-Decikienė 1941, № 72);

белорусский в Белоруссии: Ячмень, ячмень, На тебе кукіш, Што хочаш. То і купіш. Купі сабе тапарок, Сячы ячмень папярок (Замовы, № 856.)

русский в России: Ячмень-ячмень, на тебе кукиши; что хочешь, то купишь; купи себе топорок, руби себя поперек (Савушкина 1993, № 131);

— отсылка лишая к свиньям:

русский в Литве: *Lišai lišai, sviniam mišai; svinia zjedai i prapadai* (Balys 1951, № 431);

литовский в Литве: *Dedervine, dedervine, aik juodai kiaulai maišyk, kad tavi nebūtų, kad tu prapultai ir kad tavi nebūtų* ‘Лишай, лишай, иди черной свинье мешай, чтоб тебя не было, чтоб ты пропал и чтоб тебя не было’ (LTR, 3194 (86));

белорусский в Белоруссии: *Лішай, свінням мяшай; Лішай, дабранач. Ідзі да свіней нанач* (Замовы, № 743);

— обращение к чертополоху в заговоре от червей:

литовский в Литве: *Dagi, dagi, aš tave slegiu, kad išbyrėtu margai karvei kirmėlės; jeigu išbarstysi, tave paleisiu, neišbarstysi — tu čia supūsi* ‘Чертополох, чертополох, я тебя наклоняю, чтобы высыпались из пестрой коровы черви; если высыпешь, тебя отпушу, не высыпешь — здесь сгниешь’ (Balys 1951, № 535);

польский в Польше: *Do tej pory będę ciebie więzić, póki nie wysypiesz z rany robactwa* (Wisła 1891, p. 905, № 3);

белорусский в Белоруссии: *Бульняк, бульняк, белая на тебе цвяціна, загну я цябе, заламлю я цябе, пакуля ў маёй скаціны, чорнай шарсціны, чэрві павышаюцца; а тагды разагну цябе, адламлю цябе* (Замовы, № 283);

русский в России: [Траву, называемую татарин или мордвин (чертополох), пригибают к земле — ежесли скотина рыжая или белая на полдень. ежесли черная на запад, и говорят:] Господи Иисусе Христе, Боже наш, по-

милуй нас, аминь. Выведи, татарин (= татарник, мордовинник, арапей) червей у такого то цвета скотины; если выведешь, я тебя отпушу; а если не выведешь, из корня подерну. [Говорить трижды, не переводя духа; когда через три дня черви пропадут, траву отгибают] (Майков 1994, № 200);

— предложение мыши обменяться зубами:

в Польше: *Weź, myszko, zęb kościany, a dej mi żelazny* (Kotula 1976, № 5);

в Литве: — *Pele, pele, te tau kiaulinis, duok man geležinį* (TD, № 54);

в России: На тебе, мышка, репной зуб, дай мне костяной! (Савушкина 1993, № 20);

— взаимосвязь древесных сучьев и кожных болезней (чирей, нарыв, лишай)

русский в России: (Очертить средним пальцем правой руки сук у двери или оконного косяка, приговаривая:) Как сохнет и высыхает сук, так сохни и высыхай, болетоп; от перста нет огня, от чирья ни ядра (Майков 1994, № 134);

русский в Литве: Сук-сучанец, возьми свою нечистоту, отдай рабе Божьей (имя) красоту. [Брали нож, водили им по сучку где-нибудь, три раза говоря:] Круг, круг, пойди в сук! [Затем нож втыкали в сучок и оставляли на несколько часов] (Novikovas, Trimakas 1997, № 30)

литовский: *Kaip nakkis dzyla, kap dziena dzyla i kap ita šaka džiūsta, tegu ite ita dedervinė išdžiūsta. [...reikia dar seiлем paspyaudžius trinti dedervinę dešinės rankos pirmu (bevardžiu) pirštu, ir vis tą pirštą pirmą patrint bile kur į sauso medžio šaką]* ‘Как ночь сокращается, как день сокращается и как этот сук сохнет, пусть так же этот лишай засохнет [...] надо еще поплевать и слюной теперь лишай первым (безымянным) пальцем правой руки, и этот палец потеть о какой-нибудь сук сухого дерева’ (TD, № 455)

белорусский: ...Як сук нем, каб і валасань так занямеў (Замовы, № 750)

Последний пример интересен не только общефольклорным сравнением кожи человека с корой дерева (а наряду с этим и болезни с сухим деревом), но также и связью с этимологией литовского названия болезни *dédervinė* ‘лишай’: редупликация корня *derva* ‘смола’, родственного рус. дерево (Фасмер, I, 502).

Помимо общих сюжетов и мотивов, использующихся в разноязычных заговорах, интересны случаи заимствования отдельных формул, оборотов, «кочующих» по разным традициям. Так, например, угроза змее залить ее кровью петуха и выжечь огнем из камня существует в трех вариантах: белорусском, литовском и русском (на территории Литвы):

Krūmas lazdynų riešucinės, ti vaikščiaja trys mergas, anas švegždėja, burbulia-va, prė gyvatų vitaro. Ak tu, kirmele — gyvate! Aik, pasim sava gyvoni, aba aš ainiu laukan, paimsiu išakmenia vugnies, išgaidžia krauja; aš nureisiu balon, živysun, aždeksiu supuvusias kalades; aš nureisiu mariasun, pastimsiu čysta vundenia i aprausiu N (juodų žalių) karvę ‘Куст ореховый, там гуляют три девицы, они

шипят, булькают, о змее говорят. Ай ты, червь — змея! Иди, возьми свое жало, или я иду в поле, возьму из камня огонь, из петуха кровь; я пойду в болота, к рыбам, зажгу гнилые колоды; я пойду в моря, возьму чистую воду и обмою корову' (TD, № 448);

Pulkas juodų, pulkas rudių, pulkas geležinių, Geležie, geležie, geležie ką įleidai. išimk. Jei neišimsi, aš paimsiu, mesiu akmenis (akmens?) ugnį uždegσiu kalnus, pakalnes ir klonius ir tau nebus, kur išeiti. Jei neišeisi, aš paimsiu gaidžio skiauteres kraijo, užliesiu kalnus, pakalnes ir... 'Стадо черных, стадо коричневых, стадо железных. Железо, железо, железо, что выпустил, вынь. Если не вынешь, я возьму, брошу каменный огонь, зажгу горы, подножья и склоны, и тебе некуда будет выйти. Если не выйдешь, я возьму кровь из гребешка петуха, залью горы, подножья и склоны...' (LTR, 3961 (7));

Гад Якаў, гадзіца Якавіца! Гад, гад! Возьмі свой яд. А я возьмеш свайго яду, я пайду на Кіян-мора. На Кіяні-моры ляжыць Латыр-камінь. Я з Латыра-камня вазьму агню, з пітуна крыві, выжгу ўсі мхі, усі балоты, усі крутыі берагі. Ня будзіць вам ні прыстанішча, ні прыбежышча. Ветка і млада марто, мая месяца — ва векі вяком (Замовы, № 416);

Шел раб Божий (имя) с матерью пресвятой Богородицей, с Михаилом Архангелом, с апостолами Петром и Павлом. Навстречу мне лютая змея — медь и меденица, гад и гадинница, уж и ужица. И речет мать пресвятая Богородица: «Ой, лютая змея! Почто съела человеку ружу (или ногу)! У меня ворту вода, на языке трава. Водою я смываю, травою засыпаю, как попу Ермолаю». Гад, гад, рудый гад! Гад, гад, черный гад. Возьми свой яд. Если не возьмешь свой яд, пайду на море-океан, возьму из белого Янтаря-камня огня, у петуха — крови и выжгу, и выпеку весь твой яд. Не будет тебе сокровища ни в горах, ни в норах, ни в дремучих лесах. Снова не стоковать ни ломоты, ни опухоли. Не видать ветхой молодости месяца марта. По сей день, по сей час, по сию минуту, всегда — ныне, и присно, и во веки веков (Novikovas, Trimakas 1997, № 18).

Поскольку первый литовский заговор содержит явные славизмы (*vutara, čystas*) и перевод славянского устойчивого выражения 'гнилые колоды', можно предположить, что заимствование шло из белорусской традиции. Однако во многих случаях трудно сделать однозначный вывод. Например, во многих белорусских, русских и польских заговорах встречаются однотипные сюжетные построения: выяснения причин возникновения болезни и отсылка ее туда, где «люди не ходят, звери не бродят, птицы не летают»:

Uroki, urocyska! Z czegośta się dostały? ... Cy z chłopa? Cy z baby? Cy ze żyda? Cy z żydowki? Jak z wiatru — idźta na wiatry! Jak z chłopa — pod copcysko! Jak ze żyda — pod kaśkiecisko! Jak z dziwki — pod splecyisko! Jak ze żydowki — pod ogonie.. (Kotula 1976, № 48);

Урокі-пракаркі, мужчынскія, жаноцкія, дзявоцкія, дзяцёцкія. Пайшлі урокі па бабскіх языках, па мужчынскіх галавах. Дзяцёцкія — пад чапеу, дзявоцкія — пад вянеу, жаноцкія — пад касу, а мужчынскія — пад шапку.. (Замовы, № 938);

...Откуль пришли, уроки и прикосы: от девки ли простоволоски, от женки ли красноголовки, от мужика ли корениника или от лиходумища — туда и подите, уроки, прикосы, ко старому хозяину на корень, на век к веку. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь, аминь, аминь (Аникин 1998, № 2202)

Uciekoj! Uciekoj! Na bory, na lasy, na suche korzenie. Tam gdzie wiate nie dowieje, gdzie cie kogut nie dopieje, gdzie cie pies nie doszczeko — niech tam bol ucieko! (Kotula 1976, № 37);

...Цяпер ідзі на мхі, на балоты, на гнілых калоды, ідзе людзі ня ходзюць, ідзе птах ня залятая, ідзе звер не забягая,— там табе качацца-валяцца, а на мяне, рабу божую, забывацца (Замовы, № 704).

Благословенно царство Отца, Сына и Святаго Духа! Воскресни, Господи, воскресением своим! От стрешнаго, поперешнаго, от лихого человека помилуй, Господи, рабу Божию (имярек), от притки ли, от приткиной матери рабе Божией (имярек) сделалось. Поди во темны леса, на сухи дерева, де народ не ходит, де скот не бродит, де птица не летает, де зверье не ходят (Майков 1994, № 233)

Какая из этих традиций явилась источником, наверное, ответить трудно. Однако в литовских заговорах этот мотив встречается редко, поэтому можно предположить, что единичные случаи употребления этой формулы являются заимствованием у славян. Например:

Ankstū rytu keliuos, gailiu rasu prousiuos, saulj kalbinu, Dzievij garbimu. Ligos pro šalj, priejuolai pro šalj, nog many in sousus medzius, in gilus raistus, kur žmonės nevaikščioja, gyvuliaci nebraidziaja, poukščiai nelakioja ‘Рано утром встаю, горькой росой умываюсь, с солнцем говорю, Бога почитаю. Болезни мимо, припадки мимо, от меня на сухие деревья, в глубокие болота, где люди не ходят, животные не бродят, птицы не летают’ (Krėvė-Mickevičius 1926, № XVII).

Такого рода описания пути, как и описания локуса, куда отсылается болезнь, тоже не свойственны литовским заговорам. Подобные заговоры можно отнести к типичным заимствованиям, в них иногда присутствуют и всевозможные перечисления (также характерные для славянской традиции), например:

Viešpatie Jézau Kristau! Palaimintos tavo Šventos akys! Šaukiu į pagalbą tuo akių rudu, juodu, pilku, rusvu, nuo visokių akių. Siunčiu aš jus ant upių, ant akmenų. Ant okeanų, marių tučikas stovi, ant okeanų marių žvakės dega, giliam ežere ten pasiskandinkit, pradinkit giliam ežere blogos akys (Dundulienė 1992, p. 55);

ср. идентичный заговор по-русски на территории Литвы: *Ospadzi Isie Kriscie, boguslavi glazy Tvai svety. Przyzywaju na pomoc od glazu rudy, czorny.*

*kary, siery, od glazu usiakuj. Pasylaju ja was na rieki, na kijany, na kijany mori
mučyk staič, na kijany mory sviečy palitca u glubokim ozirki tam utopica
ukomimica u glubokim ozirki mroki* (LMD, I, 942 (15)).

При сравнении типичных для каждой традиции заговорных построений интересно обратить внимание на трансформацию этих особенностей в русских заговорах на территории Литвы. Существует довольно обширный корпус текстов славяноязычных заговоров на территории Литвы, в которых настолько явны следы смешения традиций, что зачастую даже сложно сказать, на каком языке этот текст: в одном предложении может встречаться сильно видоизмененная как литовская, так и польская (белорусская, русская) лексика. Однако существуют и «полнценные» тексты на русском или польском языке, на первый взгляд не отличающиеся от текстов на основной территории, тем не менее претерпевшие влияние иноязычного и инокультурного окружения. Даже заговоры русских старообрядцев, несмотря на обособленность и закрытость их носителей, содержат некоторые не свойственные остальным русским заговорам черты. Для сравнения можно привести некоторые характерные для русской традиции сюжеты и сравнить аналогичные заговоры на русской и литовской территориях:

1) от сглаза:

*От Господа нашего Иисуса Христа, от сглаза (имярек). От глаза мужского: от черного, от рыжего, от белого, от синеватого, горбатого, на-
смешливого, высокого, низкого, завидного, хохотливого.*

От глаза женского: черноволосая, длинноносая, слеповатая, горбатая, на-
смешливая, низкая, высокая, широкоплечая, сухая, синяя, черная, сивая, коря-
вая (Novikovas, Trimakas 1997, № 9)

*Сохрани, Господи, и помилуй, раба твоего, больного (такого-то) от чер-
ного глаза, от мужского, от женского, от денного, от полуденного, от часо-
вого, от получасового, от ночного, от полночного, от всех жил, от всех
суставов, от белого тела, от желтой кости, от родимца, игреца, от черной
печени, от горячей крови. Спаси, Господи, и помилуй его. Не я его придушаю.
не я его прикальваю, а Матушка, Пресвятая Богородица, Свою рукою, Сво-
ю пеленою, Своим крестом и животворящую силу. Во имя Отца и Сына, и
Духа Святаго. Аминь* (Савушкина 1993, № 178 (Воронежская обл.));

2) от крови:

*Бежит конь карь, на нем сидит старик стар. И ты, кровь, стань у раба
Божьего (имярек). Если не станешь, то тебе будет, кто в воскресенье дрова
рубит. Всегда — ныне, и присно, и во веки веков* (Novikovas, Trimakas 1997, № 14);

*На море на Океане океанский царь, под ним конь карь; ты, кровь, не каль,
по сей день, по сей час, по мой уговор, по мой приговор, во веки веков, аминь* (Майков 1994, № 160 (Новгородская обл.));

3) от кровотечения:

Что на море, на океане лежит белый Пилатырь-камень. На тым камне сидит девка-девица, шьет-вышивает. Кровь, кровь, утешись. Аминь Божий (Novikovas, Trimakas 1997, № 15);

На море на Океане, на острове на Буяне сидит девица, Она шьет, пошиивает, золотые ковры вышивает не ниткою, шелком; шелковинка оборвется, и кровь уймется (Майков 1994, № 146 (Воронежская обл.)).

При сравнении этих заговоров бросается в глаза не столько краткость литовских вариантов по сравнению с русскими (отмеченная и самими собирателями, опубликовавшими эти тексты — см. Novikovas, Trimakas 1997, р. 270), сколько усеченность их структуры — ср., к примеру, в первом примере, отсутствие традиционного зачина и концовки; невыраженность пространственной локализации во втором и схематичность ее описания в третьем. Русские заговоры под влиянием литовских (предположительно) не столько упрощаются, сколько меняют тип — из эпических (что свойственно восточнославянской традиции) становятся заклинательными, более конкретно направленными — ср. *Кровь, кровь, утешись — прямое обращение и ...шелковинка оборвется, и кровь уймется* — пожелание в 3-м лице (пример № 3). Примечательно, что характерные для русских заговоров приемы принципиально не меняются: остаются и перечисления (см. пример № 1), и описания локуса, и постоянные эпитеты, и формулы типа *ныне, и присно, и во веки веков*. Однако и они приобретают несколько видоизмененный характер: вместо складности и напевности, присущей русским традиционным текстам, они приобретают некоторый оттенок резкости и отрывистости, ср., например: *Если не станеши, то тебе будет, кто в воскресенье дрова рубит... и ...ты, кровь, не кать, по сей день, по сей час, по мой уговор, по мой приговор..* (пример № 2); *На тым камне сидит девка-девица, шьет-вышивает... и На море на Океане, на острове на Буяне сидит девица, Она шьет, пошиивает, золотые ковры вышивает не ниткою, шелком..* (пример № 3). Избыточность описаний, парность эпитетов, повышающие изобразительность и поэтичность русских заговоров, в литовских вариантах предстают явно усеченными. Этот процесс особенно ярко выражается на уровне синтаксиса: на смену длинным сложным предложениям со множеством повторов и эпитетов приходят простые, краткие предложения с минимальным набором однородных членов:

Водица-царица и Христова источница! С востока бежишь, на западе падожь [падешь?]. Обмываешь крутые берега, желтые пески. От мой раба Божьего (имя) со всякого испугу — от ночного, полуночного, от дянного, полуденного; сухоту, и ломоту, и нечичтоту. С буйной головы, с хрибятной кости, с горячей крови, с рецивого сердца, со всего стану человеческого. Аминь (Novikovas, Trimakas 1997, № 49);

Вода-водица, раба-рабица, как ты идешь, рвеши и берешь, смываешь и срываешь крутые бережки, желты пески, серы камешки, так смой, смой, срой, сорви и унеси уроки, призоры, шепоты, ломоты, родимцы и переполохи во быстру реку, во синё море, к вору-татарину, в легкие пецини, в ретиво сердцо, от ворот (Аникин 1998, № 2130 (Архангельская обл.)).

О сохранении традиции, с одной стороны, свидетельствуют заговоры русских старообрядцев Литвы, практически полностью соответствующие русским заговорам, записанным на территории России (например, от бессонницы: *Утренняя заря-зарница, красная девица, Крикса, Фокса! Возьми свой крик, подай младенцу Петру сон* (Novikovas, Trimakas 1997, № 48); *Заря-зарница, красная девица, Утрення заря Прасковья, Крикса, Фокса, Уйми свой крик и дай младенцу сон. Заря-зарница, молодая девица, Вечерняя заря Соломонея, Крикса, Фокса, Уйми свой крик и дай младенцу сон* (Александров 1997, № 159); от прыщей на лице: *Вогник, вогник, сухой вогник — на огонь, мокрый — на воду* (Novikovas, Trimakas 1997, № 33); *Гоник, гоник, возьми свой вогник, мокрый — на воду, сухой — на огонь* (Аникин 1998, № 1734 (Калужская обл.))). С другой стороны, о взаимопроникновении традиций говорят практически идентичные русским белорусские и литовские тексты:

— Кого грызешь? — Грызть грызу. — Грызи, чтоб вовек не было. — Ты — грызть, а я — коза и волк. Тоже у меня зуб яркий. Тебя съем и закусу, чтоб грыжи вовек не было (Novikovas, Trimakas 1997, № 38); — *Kū veiki? — Gryži graužiu. — Graužk, kad išgraužtai. — Tai kū veiki? — Gryžių graužiu. — Tai graužk, kad išgraužtai.* ‘— Что делаешь? — Грызь грызу. — Грызи, чтоб выгрыз. — Так что делаешь? — Грызь грызу. — Так грызи, чтоб выгрыз’ (LKAG, № 1270)

Икота, икота едет на сивой кобыле кругом болота, Кобыла упала, икота пропала (Novikovas, Trimakas 1997, № 44); *Exala iкота* (вар.: *iкаўка*) *кыла ба-
лота на сівай кабылі; кыла ўпала — iкота пропала* (Замовы, № 1267)

Однако и литовские заговоры, как было уже показано выше, часто переименуют типично славянские черты. Одной из них, по всей видимости, является эпическая направленность, не свойственная литовским заговорам. Случаи подобного рода единичны, как, например, заговор «от ламанины»:

*In Akėjanauskų marių stavi astravas, in ta astrava stavi bažnyčiaj stavi lažiaj, taj lažiaj guli švintas apaštalas Simanas. Anas paskélis nūvėja pavaik-
ščiac in kryžiakélés, i rada dzvylikų mergų aplyšusių apdriskusių apskaldūnavusių apspurvinavusių bliska grynas, baisu in jas dobacie. Švintas apaštalas Simanas klausia jas: ‘Ką jūs cia susrinkat, ką jūs cia laukiat?’ — Švintas apaštalai Sima-nai, mes cia susirinkam, mas laukiam takiu žmanių kas rycines maldas pramiega, abiedzines praabiedaja, vakarines pravūliją, tai mes takiu žmanių kauluosiu inlindam, tai kaulus laužam, sustavus gnaibam’ Švintas apaštalas Simanas jam*

saka: ‘Atneškit jūs man šimtų geležinių rykščių, aš itas mergas mušiu i barsiu, kam anas ite svietų tūččia’ — ‘Švintas apaštalai Simanai, nei tu mus muškie, nei tu mus barkie, kas citau itū maldū atkalbēs, tai mes in tu žmagū i nepadabasme, i natiuosun ja neažeisme’ ‘На Акебанских морях стоит остров, на том острове стоит церковь, в той церкви стоит ложа, на той ложе лежит святой апостол Симон. Он потом пошел погулять на развалику, и нашел двенадцать девок оборванных, ободранных, лохматых, грязных, страшно на них смотреть. Святой апостол Симон спрашивает их: «Что вы тут собирались, чего вы тут ждете?» — «Святой апостол Симон, мы тут собирались, мы ждем таких людей, кто во время утренней службы спит, во время обедни обедает, во время вечерней гуляет, так мы таким людям в кости влезаем, так кости ломаем, суставы щиплем». — Святой апостол Симон им говорит: «Принесите вы мне железные розги, я этих девок буду бить и ругать, зачем они этот свет мучают». — «Святой апостол Симон, не бей нас, не ругай нас, кто эту молитву произнесет, то мы на этих людей и смотреть не будем, и в дом к ним не зайдем» (TD, № 461).

Ср. похожий русский заговор на территории Литвы: *Под деревом открытым стоят три святых Симона с огненными мечами, а им навстречу идут три девы голые, босые, беспоясные, простоволосые. Выходят им навстречу три Симона с огненными мечами и спрашивают: «Девы, девы, куда вы идете?» Они грубо отвечают: «Идем в свет тело щипать, кости ломать, душу к смерти гнать. Кто молитву знает, пусть три раза прочтает, — мы к ним не прискокнем»* (Novikovas, Trimakas 1997, № 41).

Обилие в литовском тексте славизмов не оставляет сомнений в происхождении этого заговора: *in Akėjanauskų marių, astravas, lažia, dobacie, abiedzines, praabiedaja, pravūlīja, svietų, tūččia*.

Лингвистический анализ текстов литовских заговоров (и славянских на территории Литвы) может помочь составить представление о путях заимствования того или иного текста. Например:

Svintas Jonas mnie trudna żyć, ratawaj z tego swiatu na ten świat. Amen. Amen. Amen (LMD, I, 940 (19)); *Švintas Jonas man trudna gyvinč; pašauk iš to pasaulio i šį pasaulį. Amen. Amen. Amen* ‘Святой Йонас, мне трудно жить; позови с того света на этот свет. Аминь. Аминь. Аминь’ (Stukenaitė-Decikienė 1941, № 50);

Szedł Pan Jezus przez wieś, chcieli Jego psy zjeść, rzucil kamień, powiedział Amen (LMD, I, 943 (7)); *Ęjo Ponas Jézus keliu, noręjo jি šunes suęsč. Jis griebė akmeni, ant amžių amžinių. Amen* ‘Шел Господь Иисус по дороге, хотели его собаки съесть. Он схватил камень, во веки веков’ (Stukenaitė-Decikienė 1941, № 31);

Zmieja, zmieja! Švinciąsia Pana Marija paduok man lazdū kad aš galēčia ažmušč itū zmieju ‘Змея, змея! Пресвятая Дева Мария, подай мне палку, чтобы я мог(ла) убить эту змею’ (Mansikka 1929, № 81); *Żmija, zmija! Najświętsza Panno, podaj mi kijk!* (Majewski 1892, № 408).

Ключевые слова польского происхождения позволяют предположить, что, по всей видимости, во всех трех случаях заимствовались польские тексты. Косвенно подтверждает этот вывод наличие во всех трех текстах христианских святых в качестве основных персонажей (как известно, христианство в Литве было связано с полонизацией). Примером обратного пути могут служить следующие два заговора:

Sołnce mleko, kamieni krowie sołnca zatmienie u krowi ościnowka (LMD, I, 946 (10)); *Saulės pienas, akmenia kraujas, Saulas aptemimas, krauja mustojimas* ‘Молоко солнца, кровь камня, затмение солнца, остановка крови’ (Mansikka 1929, № 21) — бросается в глаза «литовский» порядок слов в польском варианте;

Ognie/vystas/krow cwietok paprotnika Reka Apragima /voc/ puść eta krow pierrestaniet ciecz (LMD, I, 946 (9)); *Ugniauystas kraujas, paparčio žiedas. Aprimo ipré. Tegul šitas kraujas mustos tekėt* ‘Огненная (букв. «развивающаяся огнем») кровь, цветок папоротника. Успокоилась река. Пусть эта кровь перестанет течь’ (Balys 1951, № 503) — в этом случае, очевидно, литовские лексемы *ugniauystas* ‘огненная’ и *aprimo* ‘успокоилась’ (река) были не поняты и повторены неправильно. Опять же подтверждает вывод о пути заимствования заклинательный тип обоих заговоров, распространенный именно в литовской традиции.

Примеры повторения лексем без понимания их значения, как в последнем заговоре, встречаются довольно часто. В некоторых случаях непонятными остаются целые выражения, и воспроизводится набор звуков, отдаленно напоминающий соответствующие выражения, например:

Vardan Dievo ir t.t., Amen. Pierszy raš lažusia, perekresčiusia, Bogu maliusia, wyjdu (na) nowe sienie. Kroki berežok, krotki wodica na tym tak. Jana wzroku kamienie i z oku kamienie. Nicasie nieradosc, skolki wody, tolki miława. Ni ja bajus Gaspoli Boga, preczystaju wadicy Krystie wymywaju, Krystie wyczyszczaju. Bielyje kamienie. Sieryje kamienie. Amin, Amin, Amin. Vardan Dievo Tēvo ir t.t. Amen (Balys 1951, № 450);

Pirmą syk gulosi persižegnoju, keliosi, Dievą pasimeldžiu. Išeinu į naują priemenę, naujoj priemenę į stačią kampą, iš stačio kampo smarkus vandenėlis bėga. Kaip tas vandenėlis visad vietoj nestovi, taip NN zrokų nematyti. Zrokų Kamina, zrokų Kamina. Nei į garbę, nei į džiaugsmą. Kiek vandens, tiek meilau gyvenimo. Nesistengiu, Viešpatie Dievą atsiprašau, apie nekaltają Panelę miniu. Vandenėli kreščia, druskele kreščia, ištimu zrokų, iššveičiu zrokų, ištrinu zrokų Pilkieji akmenys, baltosios šaknys. Amen ‘Первый раз ложусь, перекрещусь, Богу помолюсь. Выхожу в новые сени, новыми сенями на крутой берег, из круглого берега быстрая водица бежит. Как эта водица никогда на месте не стоит, так NN не видать уроков. *Зроку Камина (вероятно, ‘z oka kamienia’, как в русском варианте). Ни во славу, ни в радость. Сколько воды, столько милой жизни. Не стараюсь, Господа Бога прошу, о Пречистой Деве вспоминаю. Во-

дицу вычищает, соль просеивает, вынимаю уроки, вывычищаю уроки, вытираю уроки. Серые камни, белые корни. Аминь' (Mansikka 1929, № 182).

На заимствование последнего заговора указывает, прежде всего, традиционно русский зачин, использование постоянных эпитетов ('крутый бережок', 'быстрая водица') и диминутивных суффиксов, а также славизм *zrokai* 'уроки, сглаз'. Однако русский вариант последнего заговора сильно трансформирован и усечен, а кроме того, начинается с литовской фразы и заканчивается ею же. По всей видимости, такой переход с одного языка на другой неслучайен. Можно привести еще подобные «гибридные» заговоры, в которых соседствуют литовские и славянские фразы:

Viečor dobrý lišaju, ciebie z givnem miešajq. Tegul ji čia pragaišta '...Пусть она тут пропадает' (Balys 1951, № 430a);

Ažižadu Jonui nuo akių. Atkatites atvalites' roki-prysroki, radost' i zavist'. mužeskije i ženskije atkrytes', berites' od jarkoj krowi od zbornych kostiej, od bielych grudiej. Veda vodica u wostočnica, kudy bieżysz, куды padzierżysz Od wschodu k zapadu obmywajesz, oczyszczajesz krutyje bierega, żoltyja piaska, obmoj mojevo syna Janka. 'Заговариваю от глаз...' (LMD, I, 941(9)).

Языковая ситуация на литовско-белорусско-польском пограничье располагает к тому, чтобы свободно общаться на трех-четырех языках, переходя с одного на другой. Однако, как бы ни были близки заговаривающему все употребляемые языки, язык, представляющийся наиболее чужим, считается в заговорах более сильным орудием. Как правило, комментарии ко всем славянским текстам на территории Литвы (кроме текстов русских старообрядцев) даются по-литовски. Люди, свободно общающиеся по-литовски с собирателями, начиная заговор, часто переходят на польский. Возможен и обратный вариант — живущий среди литовцев и перенявший их язык и культуру поляк или белорус считает наиболее действенным заговор на родном языке. Возможно, это вызвано противопоставлением языков не по признаку *свой/чужой*, а скорее по степени употребительности: менее употребляемый (или менее понятный окружающим) язык кажется более сакральным. Этим объясняется появление совсем непонятных текстов, содержащих набор звуков, отдаленно напоминающих тот или иной язык — главное произнести текст, а не понять его. Например, заговор от рожи «по-польски»:

*Pani Boże šernogancetu
Pruicij švientyjie do niemu
Našvienša matka, švienta Apolonija
Lurda, ponšymi, pienboi, ieružy
Otčimy, pienboi, jany, če ružy.
Jedno stronca, druga tišionča, šeča vadionča.*

(LKAG, 207 (49))

Текст явно воспроизводится ничего не понимающим литовцем, о чём говорит неискаженная литовская вставка *švienta Apolonija* ‘святая Аполония’. Некоторые тексты для усиления воздействия произносятся сразу на двух языках:

Éja Jezus per aukštus kalnus per didelius miestus ir aš éjau. Jezanis nekliude ir mani neklidus šuneli baltas, juodas, margas, pilkas, rudus nekus mani siu, siu, siu. Szoł Isus czerez wysokija gory czerez bolszija goroda i także ja szoł. I nie trogali i mienia nie budut trogač sobaka bielaja, czornaja, piostraja, sieraja, krasnaja nie troń mienia siu, siu, siu (LMD, I, 944 (9));

Viespato Jezus per jura plauke jura nustojo teketo, kad ir mano kraujas nustata tekete. Gospodź J. czerez more płył more pierestało tem cztoby i moja krow pierestala tecz (LMD, I, 942 (16));

Papartis be žiedu, akmuo be šakų, paukštis be pieno, a tu prakeikta nevaikščiok po žeme, žmonėm žalos nedaryk, eik tu skradze žeme. Poporc bez kvetu ptaška bez mleka, kamen bez kožene, a ty pšeklenta ne choc po tai žemi, lūdzim škodzi ne rob ic ty skro žemi (LTR, 4105 (257)).

Такое смешение языков не может не дать соответствующих результатов. И наиболее ярко оно проявляется, конечно, на уровне лексики. Славянские заговоры на территории Литвы в этом смысле не так показательны, заимствование в их сторону осуществляется, по-видимому, на уровне текстов, сюжетов, калек и непонятых фраз. Что же касается литовских заговоров, в них славянская лексика представлена очень широко. Это объясняется еще и тем, что вплоть до нашего века, когда стала проводиться борьба (и появилась возможность ее проводить) за чистоту литовского языка, славянская лексика составляла довольно большой процент в литовском языке. Это не могло не отразиться в текстах заговоров. Однако интересно проследить, какой именно пласт лексики был замещен или создан влияниями извне. Одну группу лексики можно назвать религиозной — это слова и выражения, связанные с христианством и пришедшие, вероятно, вместе с ним. Например: *mučikas, mūkos, ant to svieto* ‘на том свете’, *griešnikis, ant dievo sūdo* ‘на божий суд’, *smertis, ant pamačios, un ratunko* ‘на помощь’, *dukas, dūšia, griešas, patapas, nadzieja, ofiara, gaspadorius, pavelyjimas* ‘повеление’, *kadzyla, krapyla, nedėlia, pėtnycia, četverge, snedone, troice, dalia* ‘доля’, *ščestis* ‘счастье’, *in vinciaus* ‘под венец’; *griešnas, čystas, zbvionia, večna, pakarna, nespadzevata, nogla, valna, vėriju, ratavoti* ‘спасать’, *ronyti* ‘ранить’, *mūcyti, pazvalyti* и т. д. Некоторые слова из этого списка обозначали и новые реалии, которые еще не успели получить языковое выражение в литовском, например ‘троица’, ‘кадило’, ‘дух’ и т. п. Лексемы, заменяющие уже существующие, вероятно, обладают несколько другими коннотациями, например литовское *teismas* ‘суд’ и *sūdas*, *ofiara* и *auka* ‘жертва’ явно вызывают разные ассоциации, все эти славянские аналоги в литовском контексте имеют ярко выраженный христианский подтекст. Не-

которые слова заняли и семантические лакуны, например очень распространено и в современном разговорном литовском *dišia*. Литовское *siela* ‘душа’ ассоциируется с чем-то прозрачным и запредельным, а его синоним *vėlė* обозначает только душу умершего человека, поэтому комплекс значений, связанный со славянским ‘душа’, остается в литовском языке не так ярко выраженным, возможно, этим объясняется популярность славянского заимствования по сей день. (Иначе не выразиться, когда, например, «душа болит», «душа просит» или надо «дущу излить» — эти выражения прочно вошли в обиход у современных литовцев.) Имеющие практически идентичные литовские аналоги славянские заимствования типа *ščestis*, *nadzieja*, *čystas*, *večna*, *ratavoti*, возможно, обладают большей экспрессивностью, усиливают соответствующее значение.

Вторую группу заимствований в заговорах составляют названия болезней и связанных с ними явлений, например: *zrokai*, *lišaj*, *parušenia*, *macica*, *kaltun*, *zmieja*, *zjadai*, *tručyzna*, *rona*, *pavietriai*, *kvaraba*, *sukatos*, *liekarsta*, *liekajus*, *bieda*, *škada*. Все эти лексемы существуют наряду с соответствующими литовскими и, возможно, используются с целью табуирования, кодирования настоящего названия болезни. В пояснениях к некоторым заговорам, данных информантами, болезнь называется по-литовски, а в самом заговоре — по-польски или по-русски.

Интересно, что подобно двойным текстам — полным переводным аналогам друг друга — и в пределах одного текста могут встречаться тавтологические повторы одинаковых лексем, образованных от разнозычных основ, например: *sgynik*, *prapulk* ('пропади' — от *сгинуть* и *prapulti*); *tikiu ir vėriju* ('верю' от *верить* и *tiketi*); *pagalbes tegul pamačija* ('пусть поможет' — от *pagelbēti* и помочь); *turimcie*, *niucukcie* ('утихнуть' — от *turimti* и *стихнуть*); *nutvanusj patapq* ('потопившийся потоп' — от *tvanas* и *nomon*); *nuliido*, *nusmuto* ('загрустила' — от *liūdēti* и *smutniecī*); *jaunas maladikelis* ('молодой молодец' — от *jaunas* и *молодой*); *žailēkis* — *gailēkis* ('жалей' — от *жалеть* и *gailēti*). Такая неявная тавтология, употребление мнимых синонимов позволяет обращаться сразу к нескольким коннотациям, поскольку каждое слово вызывает свои ассоциации, что, несомненно, усиливает воздействие заговора.

Помимо создания дополнительных значений славянские заимствования играют, по-видимому, в некоторых заговорах более важную роль — часто именно они являются ключевыми словами, а литовские слова — только связками. Например:

1) *Gumbas, apsistanavyj!* 'Гумбас, остановись' (Stukenaitė-Decikienė 1941, № 56);

2) *Mumine Žemine, Atsimk savo zjadus, Atduok margai karvei sveikatą* 'Мумине Жемине, забери свой яд, отдай пестрой корове здоровье' (LKAG, 207 (46, 48));

3) *Voci, niezbušuj, aš tau insakau murimcie, nucykcie. Panele Švinčiausia, vocijapturi* ‘Вотис, не бушуй, я тебе приказываю успокоиться. Пресвятая Дева, вотис удержи’ (Mansikka 1929, № 13);

4) *Čystas vandenėlis Ir čystas akmenėlis, Kad mano būt čystas kūnelis* ‘Чистая водичка, чистый камешек, чтобы было чистым мое тельце’ (LKAG, 1320);

5) *Ėjo Viešpat Jėzus per bažnyčią, neše tris rožes: vieną sausą, antrą suvytusią ir trečią suakmenėjusią. Prakeikta rožė, stupyk tuo N* ‘Шел Господь Иисус через церковь, нес три розы: одну сухую, другую вялую и третью окаменевшую. Проклятая рожа, отступи от Н’ (Balys 1951, № 408);

6) *Šventa Gabija, būk spakaini.* ‘Святая Габия, будь спокойна’ (Balys 1951, № 299);

7) *Ak aš esmu ne marios, ne mariose stoviu, stoviu upėj, unt tos upės stalas, unt to stalo balta skotertis, unt tos baltos skoterties trys torelkos stovi, unt tu trijų tarelkų trys peilai su bulavom stovi, už to stalo sėdi Ponas Jėzusis Kristusis. NN nežinomas jima peilį su bulavi, pjauna macicą, unt šitos minutos pribuvo Panelė Švinčiausia su šilkiniu siūlu; siūlas trukite, macica paskavokite po šitam česui, po šitai minutei, žaria rytinė ir vakarinė* ‘Я не в море, не в море стою, стою в реке, на той реке стол, на том столе белая скатерть, на той белой скатерти три тарелки стоят, на тех трех тарелках три ножа с булавами стоят, за тем столом сидит Господь Иисус Христос. NN неизвестный берет нож с булавой, режет матицу, в эту минуту прибыла Пресвятая Дева с шелковой ниткой; нитка, порвавшись, матица, на место становись, в этот час, в эту минуту, заря утренняя и вечерняя’ (Mansikka 1929, № 160).

Хотя ключевыми словами могут быть и существительные, и прилагательные (см. примеры № 4 и № 6), особое внимание следует уделить глагольной лексике, ведь именно в глаголе реализуется действие заговора, по сути, глагол является зачастую средоточием основной силы и энергии текста. Список заимствованных глаголов, употребляемых в литовских заговорах, говорит сам за себя: *padzyvija* ‘завидуют’, *neratuja* ‘не спасают’, *nepristupysiū* ‘не приступлю’, *apstanavij* ‘останови’, *pamačykit* ‘помогите’, *ratavokit* ‘спасите’, *adzigni* ‘отйди’, *atlesc* ‘уйди’, *apčystumei* ‘очистила бы’, *nuztapiro* ‘наступил’, *stupyk* ‘тио’ ‘отступи от’.

Глагол *macyt* ‘помогать’, образованный от славянского ‘помощь’, является одним из самых часто употребляемых глаголов в литовских заговорах вообще. Однако глаголы говорения и вообще перформативные глаголы, выражающие действия заговаривающего, как правило, только литовские. Вероятно, внутренняя сила говорящего все же связана с родным языком, а общаться с посредниками можно и на чужих языках (или на их?).

Итак, очевидно, контакт двух традиций обусловил двустороннее заимствование: как с литовской стороны, так и со славянской (польской, белорусской).

ской, русской) мы наблюдаем перенимание черт соседней культуры. В заговорном жанре происходит заимствование на всех уровнях: перенимаются и переводятся на другой язык целые тексты, заимствуются сюжеты и формулы, создаются соответствующие «кальки» на другом языке. Под воздействием соседней, иной в структурном отношении, заговорной традиции меняется даже тип текста (в литовскую традицию приходит эпический зачин, формулы перечисления и отсылки болезней, характерные для славянских заговоров; русские заговоры под воздействием литовского окружения становятся более краткими, усеченными, их структура меняется и тяготеет к заклинательному типу). Интересно отметить, что эпические заговоры, в которых действующими лицами зачастую оказываются христианские святые, чаще заимствуются из славянской среды в литовскую. А «языческие» мотивы (загрызание грызи, некоторые методы борьбы со змеей и проч.) — скорее наоборот, перенимаются славянами у литовцев. Исключение составляют два сюжета с явно «христианским» подтекстом: мотив срываания розы божественным персонажем в заговорах от рожи и описание путешествия Иисуса Христа через Иордан в заговорах от крови. Подобных заговоров в русской традиции — единицы, однако много их в литовской и польской. Поскольку подобные сюжеты распространены и на западе тоже (см. Познанский 1995, 185), можно предположить, что заимствование шло из католических стран и поэтому затронуло литовскую традицию в большей степени, чем восточнославянскую.

Что касается лексического уровня, то более подвержена заимствованиям, как уже отмечалось, литовская традиция, вероятно в силу исторических причин. По всей видимости, литовская языковая система вообще обладает большей восприимчивостью, поскольку славянское влияние оказалось устойчивее как на уровне текста, так и на уровне лексики. Ставшая почти родной и смешавшаяся с исконной, славянская лексика тем не менее занимает определенное место в литовской языковой системе — ее отличает повышенная экспрессивность и некоторые особые коннотации (ориентированность на христианство, приподнятость семантики, максимальный эффект). Ее проникновение ощущается даже на уровне грамматики, причем заимствуются наиболее сильные формы языкового воздействия — императив, например: ...*kišk. skundziń savo gylionti undenin...* ‘суй, топи свое жало в воде (змее)’ (Mansikka 1929, № 71) — и наиболее экспрессивные глагольные префиксы, например: ...*jei neatlaisi, juodas marias, žalis užuolas, iup užuola griausmas, jei neatlaisi. tavi razmuš in dylikų kavalką* ‘если не отнимешь, в черном море зеленый дуб, на дубу гром, если не отнимешь, тебя разобьет на двенадцать частей’ (от змеи) (LTR, 4813(65)).

Очевидно, такого типа заимствования можно анализировать только в контексте общей языковой и исторической ситуации.

Литература

- Александров 1997 — 777 заговоров и заклинаний русского народа / Сост. А. Александров. М., 1997.
- Аникин 1998 — Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953—1993 гг. / Под ред. Аникина В. П. М., 1998.
- Замовы — Замовы: Сборник / Под редакцией Барташэвіч Г. А. Мінск, 1992.
- Майков 1994 — Великорусские заклинания / Сборник Л. Н. Майкова. СПб., 1994.
- Познанский 1995 — Познанский Н. Заговоры. М., 1995.
- Савушкина 1993 — Русские заговоры / Сост. Н. И. Савушкина. М., 1993.
- Топоров 1969 — Топоров В. Н. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров) // Труды по знаковым системам. 4. Тарту, 1969.
- TPM — Традиционная русская магия в записях конца XX века. СПб., 1993.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. СПб., 1996.
- Balys 1951 — Balys J. Liudies magija ir medicina. Bloomington (Indiana), 1951.
- Dundulienė 1992 — Dundulienė P. Akys lietuvių pasaulėjautoje. Vilnius, 1992.
- Kolberg 1966 — Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 40. Mazury Pruskie, 1966.
- Kotula 1976 — Kotula F. Znaki przeszłości. Odchodzące ślady zatrzymać w pamięci. Warszawa, 1976.
- Krėvė-Mickevičius 1926 — Krėvė-Mickevičius V. Kerai // Tauta ir žodis. 1926. 4.
- LKAG — Liaudies kūrybos archyvo garsojrašai (Lietuvos liaudies kultūros centras).
- LMD — Lietuvos Mokslo Draugija (Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto archyvas).
- LT — Lietuvių tautosaka. 5 т. (Smulkioji tautosaka, žaidimai ir šokiai). Vilnius, 1968.
- LTR — Lietuvių Tautosakos Rankraštynas (Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas).
- Majewski 1892 — Majewski E. Wąż w mowie, pojęciach i praktykach ludu naszego // Wiśla. 1892. Т. 6.
- Mansikka 1929 — Mansikka V. Litausche Zauberspruche. Helsinki, 1929.
- Novikovas 1997 — Novikovas J., Trimakas R. Lietuvos rusų sentikių užkalbėjimai // Tautosakos darbai. 6—7 (13 — 14). Vilnius, 1997.
- Rokosowska 1900 — Rokosowska Z. Lecznictwo ludowe // Wiśla. 1900. Т. 14.
- Stukienaitė-Decikienė 1941 — Stukienaitė-Decikienė Pr. Užkalbėjimai Švenčionių apskrity // Gimtasis kraštas. 1941. 8 м. № 28—29 (1—2).
- TD — Tautosakos darbai. 4 т. Kaunas, 1938.
- Wiśla 1891 — Wiśla (miesięcznik geograficzno-etnograficzny). Warszawa, 1891. Т. 5.